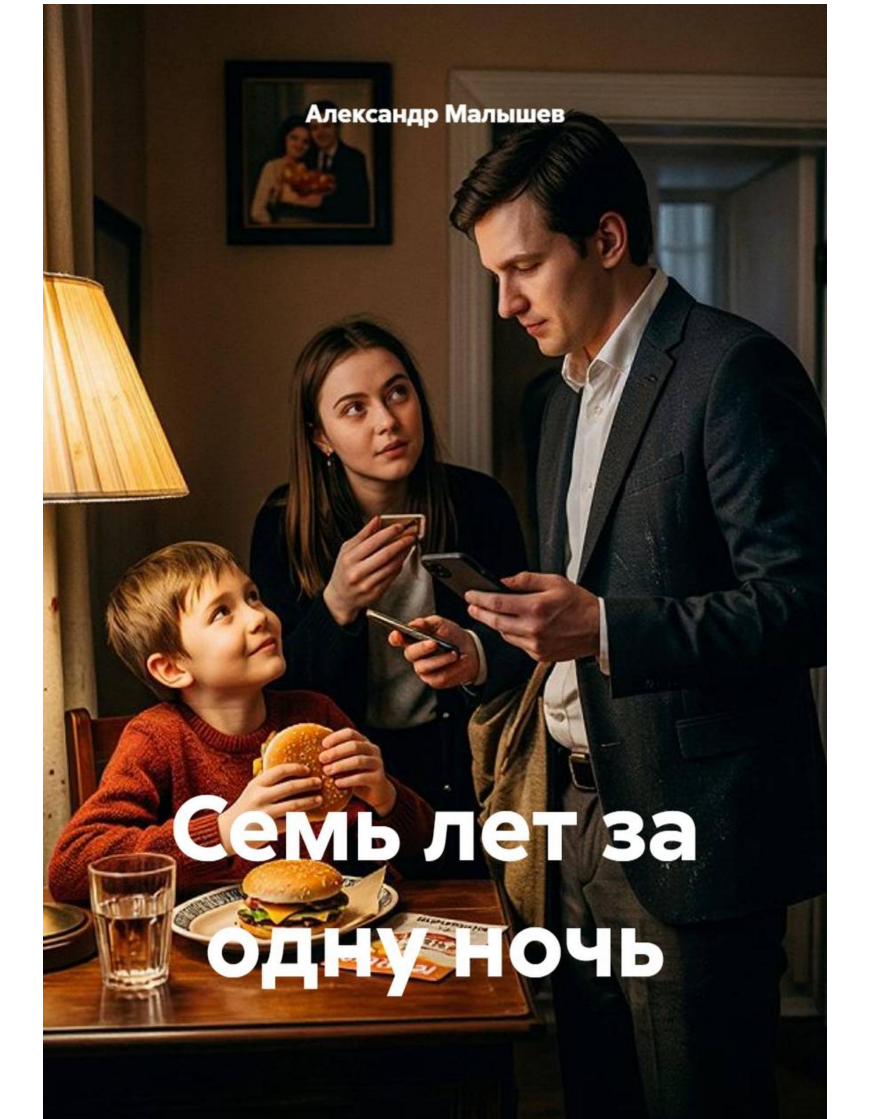

A man, a woman, and a young boy are gathered in a dimly lit room. The man, on the right, is wearing a dark suit and is looking down at a smartphone he is holding. The woman, in the center, is also looking at a smartphone. The boy, on the left, is sitting at a table, looking up at the man. On the table, there is a glass of water and a plate with a burger. In the background, there is a framed picture on the wall and a lamp with a warm glow.

Александр Малышев

Семь лет за
одну ночь

Александр Малышев

Семь лет за одну ночь

<https://litres.ru/74680093>

SelfPub; 2026

Аннотация

Миша засыпает в своей обычной жизни с пьющим отцом и пыльной «заброшкой», а просыпается в идеальном мире. Здесь родители его боготворят, лучший друг Тимоха — богатый «интеллигент» в дорогом костюме, а девчонка Маша, которая раньше его не замечала, сама дает номер телефона.

Но почему лучший друг ест бургер в перчатках? Почему на единственной совместной фотке Миша сам на себя не похож? И почему за забором жарят стейк, а на родном тротуаре всё так же прилипает жвачка?

Мише предстоит понять: что страшнее — потерять идеальный мир или отказаться от него ради настоящей, грязной, но родной жизни?

Александр Малышев

Семь лет за одну ночь

Глава 1 Новый Мир

Я простой мальчик по имени Миша. Играю, строю дома из песка и пластилина, живу, люблю свою семью и просто живу свою жизнь без забот. Но в этой жизни мне всегда чего-то не хватало. Какого-то щелчка, чтобы картинка наконец сложилась.

И друг, был но всё-таки не то. И как-то в одну прекрасную ночь я попал не туда, куда надо, а в другой мир. Или это был сон? Я точно не понял. Я заснул и провалился. Проснулся уже там. Там были те же самые: мои родители, друг и подруга. Но они были не такие, как раньше. Будто их подменили. Или, может, они за ночь просто изменились? Я не знал. Так вот, моя новая жизнь начинается именно с этой ночи.

Я вышел во двор. Если раньше мне нужно было отпрашиваться сто раз, чтобы пойти гулять, то тут мне никто и слова не сказал. Я просто пошел на улицу, даже про время не спросили — до сколько можно. Я также пошел к своему другу. Он жил на втором этаже — по классике того мира. Но в этом он жил на третьем. Я постучался в дверь, и мне открыла какая-то бабка.

— А где находится Тимофей из двадцатой квартиры? — спросил я.

— Он выше живет, — равнодушно ответила она.

— А он что, типа переехал? — удивился я. Она посмотрела на меня так странно, что по спине пробежал холодок, и сказала, что нет, он всегда на третьем жил.

И тут я слышу, как кто-то спускается с верхних этажей. Я увидел Тимофея. Он узнал меня, а я — его. И мы пошли гулять. Я смотрел на него и пытался понять, кто он. Он был не похож сам на себя. То есть, если он был обычно шумный, то тут он стал тихим и спокойным. Как подменили.

Или я реально не у себя дома.

Мы пошли в наше место, где обычно хавали еду. Сегодня был вторник, и нас по вторникам должна была обслужить Мария Степановна — добрая бабушка. Она нам конфеты давала к нашему заказу. Я думаю, она подрабатывала здесь, чтобы было что есть: пенсия плюс работа, и более-менее условия для жизни. Когда мы сели, к нам подошла девушка.

Красивая, симпатичная. И я не понял: а где Мария Степановна и мои конфеты? Я спросил у девушки об этом. Она сказала, что у них никогда не работали бабушки в заведении, и убежала. Мы даже заказ не оформили. Всё больше и больше я склонялся к тому, что я не дома. А может быть, это другая реальность? Еще до этого я по телевизору смотрел программу о каких-то других вселенных, или, как тот дядя сказал, мультивселенной.

Я смотрел на Тимофея: с виду он тот же болван, но как

будто не он. Будто оболочка другая, или он полностью поменялся. Я не знаю. И я не стал долго думать об этом, начал есть. Мой взгляд упал на моего кента Он ел непривычно: культурно, аккуратно, в перчатках. Ел бургер. Хотя буквально недавно мы встречались в этой же харчевне, и он жрал как свинья, роняя соус на джинсы, а на нас потом из-за него смотрели косо. А тут он аккуратно съел его, закусывал картошкой, и ничего у него не упало. Я не узнавал своего друга.

Я ударил его в плечо. Он сказал: «Эй, ты чё?» — и чуть не заплакал, хотя я его легонько стукнул.

— Ты же это не всерьез так ешь? — спросил я.

— А в смысле? — он искренне округлил глаза. ██████████ Я всегда так ем. Так даже чище, не надо убирать много официанту.

Я смотрел на него, и в голове крутились вопросы: «Кто ты? Что ты сделал с моим другом? Я тебя прибыю за него». Короче, там был бардак. А потом я сказал:

— да ладно, не переживай. Я так не выпался просто, не узнал.

— Ладно, бродяга, — ответил он.

И тут я услышал что-то родное от своего кента.

— Ты вернулся, — сказал я.

— Чего? — не понял он. — А, там увидел надпись на футболке парня. «Бродяга» было написано.

— Ты чего? — спросил Тимофей.

— да так. Ты не вернулся, Тимофей. Я просто... ты не вер-

нулся.

— Ты доел? — спросил он.

А я так и не притронулся к еде, всё сканировал его. Она уже остыла. Я позвал официанта и сказал, чтобы мне завернули это всё с собой.

Они сделали, как я просил, и мы ушли. Выходя на улицу, я понял: воздух тоже был другой. На улице пахло не выхлопными газами и пылью, а почему-то озоном, как после грозы, хотя небо было чистым. Про машины я могу сказать, что они тут тоже были другие. Они ехали, но звука мотора почти не было слышно, только шелест шин.

И тут Тимофей сказал что-то про солнце. Я на негоглянул, но оно тоже было не свойским. Оно стояло высоко, но тени от деревьев падали не в ту сторону. Всё это не напоминало мне дом. Мы вышли, и я в кармане нашел свой телефон. И тут я вспомнил: у нас же есть фотка, где он обожрался как свинья и облился кетчупом. Я решил показать ему это фото, чтобы он понял, кто он такой. Достал телефон. Нужно было ткнуть его носом в реальность.

Я зашел в галерею, лихорадочно листая последние снимки с прогулки, со школы... Ничего. Тогда я открыл «Избранное». Я искал ту самую фотку, где он на шашлыках обожрался и облился кетчупом с ног до головы. Ту самую, где он выглядит как свинья, а не как английский лорд. Я пролистал всё «Избранное» до конца. И замер.

Фотка была. На ней действительно был Тимоха в кетчупе.

Но рядом с ним, перемазанный соусом до самых бровей, сидел я.

— Что за... — я вслух прочитал название файла: «Мишаня шашлыки 2023».

Я поднял глаза на друга. Спокойный, аккуратный Тимофей смотрел на меня с легким недоумением.

— Ты чего? — спросил он. — Лицо белое. — Это... это я в кетчупе? — мой голос сел до шепота.

Тимофей заглянул в экран, хмыкнул.

— Ну да. Ты тогда так испачкался, что мама тебе майку прямо на месте выбросила. Смешно было.

На фотке я был таким же прилежным. Не бунтарем и задирой, а интеллигентом, который мог есть бургер в перчатках. Как он. Странно, подумал я, куда же я попал? Я не стал есть еду отсюда и отдал её Тимофею. И он меня вообще убил. Он сказал, что следит за фигурой и вообще на диете, а этот визит за бургером был просто визитом с другом в кафе. Я обогнал его и ткнул в его грудь пальцем:

— В смысле, диета? Какая нахрен диета? Ты же ешь как медведь, и тебе мало! А тут — диета? — Я всегда следил за весом, — спокойно ответил он, отодвигая мою руку. — Просто не говорил тебе.

Он пошел дальше. Я не стал идти с ним. — Ладно, я пойду домой, что-то я устал.

— Ладно, давай, отдыхай, — кивнул он, и мы разошлись.

Я быстро пришел домой и ждал уже скандала, что где я пропадал и всё остальное. Но когда я вошел в дверь, меня встретили, конечно, родители. Мама подошла, обняла, и её рука легла мне на лоб. Она была ледяной. Не прохладной, а именно мертвой, как у врача, который проверяет температуру у трупа. Она поцеловала меня в макушку, пахнув какими-то чужими, аптечными духами, и сказала: «Иди ложись, мы тебя любим». Я кивнул, чувствуя, как этот ледяной поцелуй застывает у меня под волосами.

И тут я подумал: как-то не так должно быть, верно, Мишаня? Просто ведь я уже приходил так поздно, но на меня орали и кричали, где я шлся. А тут просто спокойно приняли и бонусом сказали, что любят. Я крутил мысли обо всем: и о кенте, и о родителях, обо всем. И просто почистил зубы, лег спать, думая: может, я проснусь на следующий день, и будет всё как раньше. Но, просыпаясь, я ошибся.

Утром ко мне пришла мама и сказала, что там к тебе Тимофей пришел. И тут я понял, что такого

не бывает. Чтобы этот пришел ко мне домой? Обычно я приходил к нему, а он говорил, что я далеко живу, что ему лень. Я как-то привык к этому, что я хожу к нему, а не он. Тут точно что-то не так с этим миром. Но будто я привыкал к нему уже. Мне даже понравилось, что тут меня даже ценят и вроде любят — забытое чувство. Мама сказала, что там приготовила еду. Я встретил Тимофея, он уже сел есть. Он брал сырник двумя пальцами, откусывал крошечный кусо-

чек и аккуратно промокал губы салфеткой. Я вспомнил, как настоящий Тимофей в нашем мире жрал их, запихивая целиком в рот, роняя творог на грязные колени, и смеялся так, что брызги летели на стол. Этот... этот просто ел. Как биоробот, которому задали программу «Утренний прием пищи. Эстетика». Я будто привык к нему. Уже даже не стал сравнивать его с тем, кого я знал много лет. Я привык к новому Тимофею. Мы поели и пошли гулять. Мама нам даже денег дала. Ну, мне-то этому я не дам: он как-то однажды все деньги забрал мои и не отдал, зараза. А тут они будут у меня. Что про деньги: я взял купюры. В нашем мире, если бы мама дала мне просто так две тысячи, она бы потом месяц вспоминала, что я обязан вынести мусор, починить кран и спасти мир. А эти бумажки лежали в руке просто так.

Легкие. Пустые.

Мы пошли по классике на заброшку сидеть, потому что негде было. И там я встретил её. Мы сидели с кентом, разговаривали обо всем, и тут я увидел девчонку. Она гуляла тоже тут с компашкой, и мы с ней познакомились. Её зовут Маша. Я вроде даже ей понравился, но я не знаю точно, хотя она спросила, где я живу.

Оказалось, мы соседи с ней.

— Мы вообще-то соседи, — сказала она. — В доме напротив. Я тебя просто раньше не замечала.

— Но я живу здесь десять лет... — начал было я, но осекся. Зачем спорить? Она была красивая. Пусть будет сосед-

кой. Мир подгоняет декорации под мой запрос? Ну и пусть. Мне же проще.

Я улыбнулся и сказал, что классно. Она ушла со своими ребятами, а мы что? Просто сидели. Этот сидел, смотрел на нас, как мы разговаривали, и потом выдал вопросительное. — Ты че, влюбился?

— Нет... или да. Я не знаю.

— Всё, тема закрыта, — отрезал я.

— Так мы её только начали, — протянул Тимофей. — Вот именно, начинаем и закрываем, — огрызнулся я. — Все, пошли, тебя еще бабушка ждет.

Я помнил, что у Тимофея нет родителей, и его содержит бабушка. Она следит за ним и его оберегает, ведь он у нее один. Тут он спустился и сказал:

— У меня нет бабушки.

— Как это нет? — не понял я. — Я же её видел. — Её давно нет. У меня остались только родители.

Ахринеть, подумал я. Как такое возможно? должно же быть наоборот: родителей нет, а бабушка есть. Не может быть, сказал я про себя. Он смотрел на меня вопросительным взглядом, а я молчал.

— Ладно, — сказал я вслух. — Пошли, покажешь мне их.

— Ладно, пошли.

Мы пришли к какому-то огромному дому. Я остановил его:

— Ты куда меня завел, придурок? Это не наш

уровень.

— Это мой дом, — спокойно сказал он.

Тут я чуть не упал.

— Как это твой? — спросил я.

— Ну вот так. Я здесь живу с родителями.

Ворота поехали в сторону с тихим, сытым гулом.

Не скрип железа, а звук дорогого сервомотора. Пахнуло не пылью и битым стеклом, как от нашей старой «заброшки», а мокрым асфальтом, который только что помыли шампунем, и чем-то жареным... стейком. Я сглотнул. Мой желудок, который утром ел холодные сырники Тимофея, свело спазмом. Я увидел их. Там был усатый батя и мама. Они его обняли, он попрощался со мной, обнял меня. Я ждал привычного «братанского» удара по спине или привычного краба, но этого не было. Этот Тимофей просто положил руки мне на плечи, как воспитатель. Легко, почти невесомо. — Давай, Миш. Бывай. — И он шагнул за ворота, даже не обернувшись. Будто закрыл за собой дверь в маршрутке, оставив случайного попутчика на остановке.

И они закрыли ворота.

— Капец, — сказал я. Стоял и смотрел на

закрытые створки. «Капец» — это было слабо сказано. Это было как... как если бы ты узнал, что Солнце на самом деле синее, и все вокруг просто договорились делать вид, что оно желтое. У Тимохи есть «усатый батя». У Тимохи есть дом, который жрет мою годовую зарплату за секунду. А у

Тимохи в моем мире — бабка Нюра и вонь кошачьей мочи в подъезде. Как? Как сервер распределяет эти жизни? И почему мне досталась версия с ободранными обоями, а ему — со стейком за забором?

Как такое возможно? Я шел домой и пытался сложить всё, но как-то мне больше хотелось остаться здесь. У меня тут и Маша есть... Подруги — это ладно. А вот Маша. Я вспомнил её улыбку. Она сказала: «Забегать будет». В моем мире девчонки так не говорят. В моем мире они говорят: «Отвали, нищеброд». А здесь... здесь всё подогнано. И родители у Тимохи богатые, и Маша — соседка, и мама дает деньги. Этот мир лечит. Он как морфий. Больно от того, что всё фальшивое? На, вот тебе Маша, забудься.

И я понял, что «остыл» — это я себе вру. Мне не просто понравилось. Я захотел здесь жить.

до моего дома было ровно триста метров. Триста метров по разбитому тротуару, мимо помойки, от которой несло гнилью даже на расстоянии. Я сделал первый шаг, и подошва кроссовка прилипла к старой жвачке. Там, за забором, стейк. Здесь — прилипшая жвачка. Выбор был очевиден, и от этого выбора тошнило.

Глава 2 Маша

Я уже начал понимать, что я в другом мире, не у себя дома, и тут мне нравилось, наверное, больше, тем что тут есть Маша. Мы можем с ней начать встречаться, даже, а может, и больше. Я шел и думал о ней. Я пришел домой, и все было

по классике: меня ждали дома, и мне даже тут начало нравиться, даже учитывая, что они не похожи на себя. Я хотел остаться здесь. Я даже, когда засыпал, — мама поцеловала меня в лоб и пожелала доброй ночи, — и я заснул.

Проснулся в пятницу. «Как это так?» — подумал я. Я же заснул во вторник, должна же быть среда, но была пятница. Язык не хотел поворачиваться. Среда и четверг просто...

стерлись. Я попытался вспомнить, что я делал в среду в реальности. Сидел на алгебре? Кормил кота? Но в голове была пустота, как в ластиком протертом месте. Я не потерял эти дни. Их просто не было. То есть два дня за одну ночь.

Странно, подумал я. Ну ладно, привыкнем. Я спустился вниз. В доме никого не было, родителей не было, но была записка. Она лежала на столе. Я провел пальцем по строчкам. Чернила были еще чуть липкими, пахло свежей пастой и мамиными духами — теми, которые она в реальности никогда не покупала, потому что они слишком дорогие. Она подделала даже свой запах. На ней было написано, что мы уехали, еда в холодильнике, приедем вечером, и в самом низу записки было написано, что любят меня. Я перечитал «любим тебя» трижды. В моем мире это слово звучало как инструмент манипуляции: «мы тебя любим, поэтому ты должен». Здесь оно лежало на бумаге просто так. И тут же я сравнил: как такое бы произошло в моем мире? У меня, скорее всего, такого не было бы. Родители бы просто сказали: «Делай еду сам»,

или бы просто забили на меня, а тут меня даже любят. И эти записки... мне никогда не писали родители, их так мило не поленились написать, чтобы я не волновался. Я все больше и больше хотел остаться здесь. Если даже начинать перечислять плюсы и минусы этого мира, то объективно плюсов больше. Но это не твой мир, — промелькнула как-то мысль в голове, но тут же исчезла. Я ее не заметил, и плюсы этого мира перекрыли все минусы и даже моего кента

Тут зашел Тимоха. Он сказал, что они с отцом едут на шашлыки, и его отец предлагает взять меня с ними, и спрашивает у меня: «Поедешь с нами?» И в голове еще появилась мысль про еще один плюсик к этому месту, и я сказал: «да, поехали», и мы пошли к нему домой. И по пути к дому Тимохи мы встретили Машу. Она подошла ко мне и точно и метко намекнула Тимохе отойти, потому что вопрос личный, и он отошел. Так вот, она дала мне свой номер и сказала, что как созреешь — звони, показала рукой трубочку и пошла. «А мне она нравится», — сказал я про себя. Ко мне подошел Тимоха и спросил: «Опа, что за бумажка?» «Не трожь», — сказал я. — «Это лично». И сказал, что это ее номер, она мне его

дала. А он сказал: «Ну, я понял», и предложил продолжить путь, и мы пошли. «Долбанный интеллигент», — подумал я. «Предложил он», — подумал я, и я сказал: «Ладно, погнали, придурок», и мы спустя время дошли до места назначения. Там уже нас ждал отец Тимохи. Все он собрал:

маринад для шашлыка. Оттуда пахнуло сразу уксусом, луком и... кинзой. В моем мире кинзу называли «вонючей травой», и мама никогда её не клала. Здесь же этот запах был частью идеальной картины, и меня от него чуть не стошнило. А также овощи, газировку, все, что надо, ну и музыку, и мы поехали. Ехали мы, конечно, тихо, я молчал, ничего не говорил, но я смотрел, как отец Тимохи говорит с ним, типа слушает и поддерживает, не давя на него. После они закончили разговор, и мы остановились отлить. Мы стояли и разговаривали во время процесса. Он говорил про отца, что сейчас он шашлык сделает вкусный, а я просто слушал его и все. Ничего не говорил, не знаю, просто слов не было, или, может, я стесняюсь просто при его отце говорить.

Когда приехали в лес, там была поляна небольшая, мы туда сели и там решили и обосноваться на вечер. Отец Тимохи сказал мне, чтобы я принес веток и хворост для костра, они тем временем мясо на шампуры расставят, овощи порежут и все приготовят. Я наблюдал, перед тем как уйти за отцом, как он ловко насаживал мясо. Руки у него были чистые, ногти подстрижены. Я посмотрел на свои ладони — в занозах от хвороста, грязные. Мне захотелось спрятать их под зад. После я пошел за ветками: одна палка, две, три, и у меня набралось достаточно для костра. Батя Тимофея шашлык будет жарить на мангале, а костер — так, для хлеба, там и картошки. «Так привычней», — сказал Тимоха. И когда я пришел туда с горой хвороста и веток, то там уже все было гото-

во: шашлык батя Тимохи приготовил, овощи нарезал, и все было как в сказке. Он забрал ветки и начал зажигать костер «для атмосферы», — сказал Тимоха, — «ну и хлеба, он так вкуснее на костре». И я сел на поляну. И сидел я мало о чем тогда говорил с ними, мне было не по себе там находиться. Я смотрел на Тимоху с отцом, они смеялись над какой-то своей шуткой. Звук был... слаженный. Как будто они репетировали этот смех годами. Мой смех всегда был громким, рваным. А этот — тихий, интеллигентный. Я почувствовал себя слоном в посудной лавке. Мне просто хотелось уйти оттуда и все. Мы посидели, поели, поговорили так мелко и поехали домой. Они даже привезли меня домой — с этого я вообще удивился. Я привык идти километры просто пешком, думая обо всем, что случилось за день, а тут сразу домой и иди отдыхай. Необычно. Там же дома меня встретили родители, обняли и денег даже дали, и сказали, что скоро день рождения, и мама дала листочек и сказала написать, чего я хочу, какой подарок, а потом, как напишешь, положи ко мне в сумку, и я его тебе принесу. Я сказал «ладно» и ушел к себе. Оборачиваясь назад, я видел, как они стояли, обнимая друг друга, и смотрели на меня так странно. «Миша», — подумал я, — «стоят и смотрят на меня, обнявшись». Я поднялся и закрыл дверь, остался там один со своими мыслями. В кармане я нашел бумажку с номером Маши. Я решил позвонить ей, мне кажется, я созрел. Я набрал номер, трубку взяла она. Я так рад был ее услышать, даже прослушал, что она мне го-

ворила, я переспрашивал у нее, но она повторила не затрудняясь и предложила встретиться завтра, и я согласился. «Ну почему бы и нет», — сказал я. И, смеясь, она сказала: «да», пожелала мне спокойной ночи и отключилась. Засыпал я уже как в раю, уже было не так тревожно.

На следующий день я проснулся уже радостный, настроение было хорошее, за окном солнце, и все просто чудесно. Мне нравилось здесь, а что еще круто, так это сегодняшняя встреча с Машей. Мы пойдем погуляем, я даже чуть волновался. Причесался, помылся и решил идти на улицу. дома никого не было, мама также оставила записку с едой в холодильнике. Я решил поесть и пойти гулять. На улице я встретил Тимофея, он шел на меня, и мы пересеклись. Он сказал, что идет в магаз, и предложил пойти со мной. Ну, я не стал отказывать ему и решил пойти с ним, все равно было скучно одному. Мы дошли до магазина, и я увидел Машу возле него. Она стояла и разговаривала там по телефону с кем-то, и Тимоха сказал ей: «Эй, Маша, привет». Я ударил его локтем в грудь, и он скрючился. Я сказал: «Тихо, интеллигент, спалишь меня, она не должна меня видеть». И Тимоха сказал: «Миха, ты че?» «Извини», — сказал я, отводя его за дом, при этом смотря, не смотрит ли Маша. Она вроде не смотрела. «Будь тише», — сказал я. Он сказал: «Ладно, ну я тебя прибью».

И тут меня триггернуло: вот это его «прибью» — что-то родное и знакомое. Я поставил его к стене за домом. «Нет,

это был не он», — Тимоха чуть не заплакал. Я оставил его там и смотрел за Машей. Ее там не было, не знаю, куда она ушла, но мне было не до этого. «Все, пошли», — сказал я Тимохе. Он лег на землю. Я испугался: «Давай, вставай», — сказал я ему. «Ты че?» — Он мне сказал: «Вызывай скорую, я, кажется, умираю». «Вот дурак», — сказал я. — «Я же тебя легонько ударил. Вставай, сопля». Я взял его за плечо и повел домой к себе, еле дотащил. Вроде ест мало, а весит как старый Тимоха, такой же кабан. Я закрыл дверь и сел возле нее. «Устал, капец. Ты кабан», — сказал я, а он даже ничего не сказал. Тот Тимоха бы меня в шутку нахер послал бы и смеялся бы, лежал, а этот ноет, — подумал я. Он отлежался минут десять, встал, пошел попил воды и сказал: «Ладно, Миха, я

пошел. Хорошо погуляли?» «да уж, это точно», — сказал я. «Заходи, если что», — сказал он. «да, давай», — сказал я, и он ушел.

После того как он ушел, я все еще сидел, но после позвонила Маша и спросила: «Все в силе, наша прогулка?» Я сказал: «Конечно в силе, сейчас только приведу в порядок себя и сразу к тебе». И она сказала, что тогда встретимся там, где и познакомились, на заброшке. Я сказал: «Ладно, там и пересечемся», и она отключилась. После Тимохи я еле встал, кабан, блин, еле до кухни дошел, там выпил воды и пошел на встречу к Маше. Подходя к заброшке, я волновался, руки дрожали. Я пытался себя успокаивать, но ничего не по-

лучалось, и я съел жвачку, чтобы хоть как-то отвлечься. Я все крутил мысли о том, что надо вести себя спокойно, не волноваться, но все равно нервничал и постоянно зевал, хотя по времени было еще не спать. Я встретил ее, мы обнялись и начали разговор. Вроде, перестал нервничать, как-то спокойнее стало с ней, и мы пошли, разговаривая обо всем. Я говорил о своих вкусах, она — о своих. На подкорку это я все записывал, чтобы потом подарить или дать то, что она хочет и любит. Оказалось, она любит мелочи: рисунки, браслеты, там, колечки. Все это она любит и считает, что счастье в мелочах. «А она умна», — подумал я об этих словах. Когда другие думают о премиальных машинах или яхтах, то Маша думала о спокойствии и гармонии. Это отделяло ее от других девушек, она была уникальна. Мы прогуляли часа два, может, три, я не смотрел на время, и после всего, когда мы погуляли, я ее проводил, и она поцеловала меня в щеку, и я чуть не упал на землю. Меня спасли перила, я ухватился за них. Она спросила, все ли хорошо, а я что-то там мямлил. Она рассмеялась и сказала: «Ладно, пока, я побежала», а я так и стоял, ничего не понимая. Я был на седьмом небе от счастья, мне казалось, что сегодня мой самый лучший день. Ноги были ватными, я не шел, я просто плыл на них, периодически придерживаясь за что-нибудь. Если коротко, как алкаш влюбленный шел домой, и так прошел мой день. до дома я дошел, родители уже спали, а я тихо пробрался в комнату и заснул. «Хороший день получился», — сказал я, и отбой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.